

ческого творческого метода, который нужно было раскритиковать и снять, и я счел тактически нецелесообразным подвергать критике все и всяческие «творческие методы» литературы и искусства и употребил словечко «основной», думая в дальнейшем, когда мы закончим работу по перестройке литературно-художественных организаций, устранить его из литературного обихода. Но, перегруженный всякого рода работой, я так и не удосужился этого сделать. Снял эту приставку уже ЦК нашей партии при утверждении Устава Союза писателей.

Речь И. В. Сталина на собрании писателей-коммунистов на квартире Горького

<20 октября 1932 г.>

Сталин. Чтобы понять по-настоящему смысл и значение апрельского решения ЦК о перестройке литературных организаций, необходимо остановиться на том положении литературного фронта, которое существовало до этого решения. Что тогда было? Тогда было множество литературных группировок. Поднялись и выросли новые массы молодых и талантливых писателей из низов. Всеми этими огромными писательскими массами нужно было руководить. Их творчество нужно было направлять к тем целям, которые ставила перед собой партия. А что мы имели? Мы имели: с одной стороны — борьбу литературных групп, с другой стороны — грызню между собой коммунистов, работавших в этих литературных группах.

В этой грызне раповцы играли не последнюю роль. Раповцы в этой грызне были в первых рядах. Ведь что вы делали? Вы выдвигали и расхваливали своих, выдвигали подчас не в меру и не по заслугам, замалчивали и травили писателей, не принадлежащих к вашей группе, и тем самым отталкивали их от себя, вместо того чтобы привлекать их в вашу организацию и помогать их росту. Что вы сделали, например, с Никифоровым! Ведь Никифорова буквально раздели и смешали с грязью. Да, да, смешали с грязью. Между тем это неплохой писатель. А вот вы его затоптали в грязь.

Кому это нужно? Партии это не нужно. Значит, с одной стороны, у вас была грызня и травля неугодных вам писателей.

С другой стороны, тут же рядом с вами росло и множилось море беспартийных писателей, которыми никто не руководил, которым никто не помогал, которые были беспризорными. А между тем партия поставила вас в такое положение, которое обязывало вас не только заниматься собиранием литературных сил, но вы должны были руководить всей массой писателей.

Ведь по сути дела, вы были центральной, руководящей группой. Но вместо руководства у этой центральной группы было декретирование, администрирование и зазнайство. Теперь я вижу, что ЦК со своим решением о ликвидации РАПП и о рестройке всех литературных организаций опоздал по крайней мере на год. Еще год тому назад ясно было, что монополия в литературе одной группы ничего хорошего не принесет. Монопольную группу надо было давно ликвидировать.

В свое время, на известном историческом этапе РАПП, как организация, притягивающая и собирающая литературные силы, была нужна. Но, сделав необходимое историческое дело, став группой, занимающей монопольное положение, эта группа закостенела. Рапповцы не поняли следующего исторического этапа, не разглядели известного поворота к нам широких слоев интеллигенции и гигантского роста литературно-писательских сил. Став монопольной группой, вы не разглядели, что литература была уже не группой, а морем, океаном.

Каковы наши задачи на литературном фронте? Вы должны были создать единую сплоченную коммунистическую фракцию, чтобы перед лицом этого океана беспартийных писателей фракция выступила единым сплоченным фронтом, единым крепким коллективом, направляя вместе с ними литературу к тем целям, которые ставит перед собой партия.

А цель у всех у нас одна: строительство социализма. Конечно, этим не снимается и не уничтожается все многообразие форм и оттенков литературного творчества. Наоборот. Только при социализме, только у нас могут и должны расти и расширяться самые разнообразные формы искусства; вся полнота и многогранность форм; все многообразие оттенков всякого рода творчества, в том числе, конечно, и многогранность форм и оттенков литературного творчества.

Руководство РАПП не разглядело вовремя всех этих процессов. В РАПП не нашлось людей, способных разглядеть и понять

новую обстановку, способных повести организацию по новому руслу. Сделав полезное историческое дело, вы не сумели продвинуться дальше, вперед. Вы заостенели. Партия не могла терпеть группировщины. Группировщина на новом этапе литературного развития становилась тормозом. Раз имеется налицо новая струя в литературном движении, надо было этой струей овладеть. А вы, монополизировав литературу, овладев почти всеми средствами воздействия на океан беспартийных писателей, не сумели повести их за собой, не сумели объединить их вокруг себя.

Вы не сумели объединить даже коммунистов-писателей. Вы не сумели овладеть новой струей в литературе и не сумели направить литературное движение в нужное русло. Надо прямо сказать: и после решения ЦК о ликвидации РАПП и о перестройке литературных организаций вы слишком медленно перестраивались.

После апрельского решения ЦК у вас был большой период раздумья. Это раздумье, по-видимому, и сейчас еще налицо. Между тем после решения ЦК обстановка на литературном фронте была не менее ответственная. Коммунисты-писатели должны были это понять.

Ведь ни для кого не секрет, что различные писательские группировки по-разному встретили и расценили постановление ЦК. Часть писателей, вроде Пильняка, поняли наше постановление так, что теперь, мол, сняты все оковы и нам все дозволено. Мы знаем, что этой части писателей не все понятно из того, что происходит в стране строящегося социализма; им трудно еще понять все это; они медленно поворачиваются в сторону рабочего класса; но они поворачиваются. Надо было вовремя и терпеливо помочь им в перестройке. А у вас была к ним нетерпимость.

Между тем вы часто действовали под маркой ЦК, афишируя свои действия как действия, проводимые от имени партии. Надо сказать, что среди коммунистов-писателей была часть и таких товарищей, которые думали примерно так: «Раз ликвидировали РАПП, значит, теперь вместо РАПП будем мы». Эти товарищи не поняли того, что мы ликвидировали не РАПП, а главным образом ликвидировали групповщину. Но необходимо признать, что из всего этого получилось меньше того, что мы ожидали.

Ликвидировав РАПП и создав новую литературную организацию, мы стремились привлечь в эту организацию представителей от всех литературных группировок в надежде, что на первых порах, быть может, эти представители и подерутся немного, но в конце концов все перетрется и будет создан единый союз, в котором объединятся все и в котором будет единая руководящая фракция коммунистов. Но теперь мы видим, что страсти не затихают, а вновь разгораются. Мы видим, что достижения в части объединения писателей невелики. Но ведь у нас другого выхода не было.

Я смотрю на Оргкомитет как на временный орган, который должен подготовить Всесоюзный съезд. И только. Больше работы мы от Оргкомитета и не ждали. Но надо признать, что и в части подготовки съезда результаты малые. Значит, Оргкомитет не сумел ликвидировать группировку, не сумел в должной мере объединить писателей и ему не удалось подготовить созыв съезда в ближайшее время. Май месяц — слишком отдаленная дата съезда.

Взаимные обвинения тоже остались. Между прочим, вы, рапповцы, не можете отрицать, что в вашей группе были и, по-видимому, остаются еще известные колебания, не политические колебания, а колебания литературно-теоретического порядка, например по вопросам культуры и по другим вопросам. Вам надо изжить это. Если вам не дают писать и отвечать на выдвинутые против вас обвинения, надо это ликвидировать. К работе вас надо привлечь.

Но вы должны самым решительным образом отказаться от группировки.

В свое время вы умели всех здорово критиковать. Теперь будут вас критиковать. К этой критике вы должны относиться терпеливо. Умели бить других — теперь потерпите сами и не рассматривайте всякую критику ваших действий, ваших ошибок как травлю. Фадеев, безусловно, прав, когда он говорит о необходимости решительной перестройки бывшего руководства РАПП, о необходимости решительной ликвидации группировки. Но он, безусловно, не прав, когда заявляет, что не будет работать с Авербахом.

Что это значит? Как может отказаться коммунист работать с другим коммунистом, когда они работают в одной организа-

ции? Заявление Фадеева в этой части неверно, это тоже надо изжить.

Несколько слов о том, что сейчас надо писать. Я считаю, что сейчас нам нужны главным образом пьесы. Этим я совсем не хочу сказать, что нам не нужны романы, повести, рассказы и очерки; все эти виды литературы, так же как и пьесы, имеют огромное значение и также нужны нам. Но мы должны понять, что пьеса, театр — совсем особый вид художественного воздействия на человека.

Ни роман, ни повесть, ни рассказ, ни очерк не будут так действовать на восприятие читателя, как будет действовать на зрителя пьеса, поставленная в театре. Кроме того, при ограниченных бумажных ресурсах книга не может охватить всех желающих ее прочесть, и, наконец, после восьмичасового рабочего дня не всякий трудящийся может прочесть хорошую, но большую книгу.

А ведь мы заинтересованы в том, чтобы хорошее художественное произведение, помогающее строительству социализма, помогающее переделке человеческой психики в сторону социализма было доступно миллионам трудящихся.

Книга не может еще обслужить эти миллионы. А пьеса, театр — могут.

У театра эти возможности не ограничены. Европейская буржуазия на первых порах своего господства не зря выдвинула на первое место театр. Шекспир не случайно избрал нормой своего творчества пьесу. Он прекрасно понимал, что пьеса будет иметь больший круг воздействия на людей, чем роман или повесть. Точно так же и нам надо создать такую форму художественного и идейного воздействия на человека, которая позволила бы охватить многие миллионы людей. Такой формой является пьеса, театр.

Писатели должны дать нам нужные пьесы. Пьес требуют сами массы. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести один-два примера. Посмотрите, что делают рабочие, когда узнают, что в том или ином нашем театре идет интересная пьеса. Тульские рабочие арендуют театр сразу на тридцать дней, едут в Москву группами в течение месяца; едут с женами, с ребяташками; едут целыми семьями, чтобы всем пересмотреть эту пьесу. Московские служащие делают то же самое: скупают места в театре на целый месяц. Я не хочу сказать, что писатели долж-

ны сосредоточить все свое творческое внимание на пьесах, что этим снимается задача создания высокохудожественных романов, рассказов, очерков. Такие произведения, как «Бруски», «Поднятая целина», имеют огромное значение — как средство идейно-художественного воздействия на огромное количество людей. Но эти произведения будут прочтены ограниченным числом людей, особенно при наших бумажных ресурсах. В то время как пьеса может иметь неограниченный контингент зрителей, пьесу можно ставить и повторять несчетное количество раз в городе и в деревне.

Возьмите пьесу «Страх». Ведь эту пьесу за короткий сравнительно период времени посмотрели уже миллионы зрителей. Роман за этот промежуток времени не мог бы охватить такого количества людей. Все это говорит за то, что писатели должны давать нам больше пьес, чем было до сих пор.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о романтизме и о диалектическом методе. У меня была на эту тему беседа с Авербахом, и у меня создалось впечатление, что эти проблемы вы ставите и пробуете разрешать неправильно.

Почему вы требуете от беспартийного писателя обязательного знания законов диалектики? Почему этот писатель должен писать диалектическим методом? И что такое: писать диалектическим методом? Толстой, Сервантес, Шекспир не были диалектиками, но это не помешало быть им большими художниками. Они были большими художниками и в своих произведениях, каждый по-своему, неплохо сумели отразить свою эпоху. А ведь если стать на вашу точку зрения, надо признать, что они не могли быть большими и хорошими художниками слова, потому что не были диалектиками, т. е. не знали законов диалектики.

Ваши неправильные установки в этих вопросах вы так вдолбили в головы писателей, что буквально сбиваете их с толку. Леонов, например, просил меня сказать: нет ли, не знаю ли я такой книги о диалектическом методе, по прочтении которой сразу можно было бы овладеть этим методом. Вот до чего вы забивали головы писателям вашим неправильным схоластическим толкованием применения законов диалектики к творчеству писателя. Вы забыли, что знание этих законов дается не сразу и в применении к творчеству художественных произведений не всегда было обязательно.

Этим я не хочу сказать, что знание законов диалектики для писателя вообще не обязательно. Наоборот, только овладев диалектическим методом мышления, писатель сможет по-настоящему распознать и осмыслить происходящие вокруг него явления и события; только после этого он сумеет достичь в своем творчестве и высокой художественности, соответствующей революционно-социалистической идейной насыщенности. Но такие знания даются не сразу.

В свое время я был тоже беспартийным, не знал законов диалектики и во многом не разбирался. Но старшие товарищи не оттолкнули меня из-за этого, а научили, как овладеть диалектическим методом. Научился я этому тоже не сразу. А вы в этих вопросах при подходе к беспартийным писателям проявили нетерпимость и полное неумение. Вы не понимали, что нельзя требовать от беспартийного писателя, чтобы он сразу стал диалектиком. Ваше понимание диалектического метода в применении к художественному творчеству было вульгаризаторством этого метода.

Вы не понимали, что писателю надо учиться не только у Маркса, Энгельса, Ленина, но и у классиков литературы. Октав Мирбо не был диалектиком, но художником он был, кое-чему можно поучиться и у него. А у вас, в ваших статьях часто сквозили такие утверждения, что старое литературное наследство можно, мол, все к черту. Конечно, это не верно.

Ильич учил нас, что без знания и сохранения всего старого культурного опыта человечества мы не построим своей новой социалистической культуры. Вот если бы вы сумели писателям объяснить и внушить такую элементарную мысль, как мысль о том, что диалектика предполагает не только отрицание старого, но и сохранение его, это было бы не плохо. Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей — мастеров художественного слова. Но таких статей, к сожалению, я не читал у вас. Если бы обо всех этих вещах писали в таком разрезе, вы помогли бы и уяснению места романизма в литературе.

Что такое романтизм? Романтизм (буква «т» в этих словах в печатном тексте вставлена от руки. — *Ред.*) есть идеализация, приукрашение действительности. Но надо знать: идеализация какой действительности? Конечно, Шиллер — романтик. Но Шиллер был из романтиков, ибо его романтизм был насыщен

дворянско-буржуазным идеализмом. Шиллеровский идеалистический романтизм современному писателю не нужен. У Шекспира тоже много романтизма. Но это романтизм другого порядка.

В первый период творчества Горького в его произведениях тоже много было романтизма. Но горьковский романтизм был романтизмом нового класса, поднимающегося к борьбе за власть. Идеализация Горьким человека была идеализацией нового будущего человека, идеализацией нового общественного строя. Такой романтизм писателю нужен. Нам нужен такой романтизм, который двигал бы нас вперед. Этим я не хочу противопоставить романтизм революционному реализму.

Революционный социалистический реализм для нашей эпохи должен быть главным, основным течением в литературе. Но этим не исключается использование писателем и метода романтической школы. Надо только знать — когда, к чему и как применить тот или иной метод.

Маркс читал и изучал не только Шекспира, но и Дюма. Надо знать — когда, при каких условиях, почему, зачем Маркс читал этих писателей? Надо понять: зачем ему нужно было знание творчества этих писателей. Не надо пугать Марксом. Надо понять его жизнь, его работу, его метод. Тогда будут понятны и законы диалектики, и их применение. Тогда будут понятны и романтизм, и революционный социалистический реализм; будет понятно и их применение.

У вас многие товарищи этих простых истин не понимают. У вас много буквоедов. Буквоедство мешало вам разглядеть и понять многих современных писателей. Почему, например, вы ругаете Белоцерковского? Ведь Белоцерковский — писатель-коммунист. Он дал несколько нужных пьес. А вы его ругали, травили.

Это свидетельствует о вашем непонимании, о групповщине, о замкнутости, администрировании и косности. И если вы не изживете всего этого, можно вперед сказать: у вас ничего не выйдет. Только тогда у нас будет победа на литературном фронте, когда вы изживете все эти болячки.